

IX. „КАЗНЬ“ ПЕТРАШЕВЦЕВ

Ранним декабрьским утром 1849 года множество народа двигалось по направлению к Семеновскому плацу, на котором колоннами выстроились войска частей Петербургского гарнизона. Они образовали параллелограмм по сторонам деревянного помоста с входною лестницею. Помост был обтянут траурной материей. Городовые оцепили плац, чтобы сдерживать народ, стекавшийся массами. Около восьми часов утра осужденных вывезли из крепости. При каждом из них сидел рядовой внутренней стражи, а по бокам карет следовали верховые. Кorteж открывался отрядом жандармов, ехавших с обнаженными шашками. Окна карет замерзли, разглядеть лица заключенных было невозможно. На валу стояли толпы безмолвного народа. Вся площадь была покрыта свежим, выпавшим за ночь снегом.

Неподалеку от эшафота приговоренных выводили из карет и ставили в ряд. С волнением оглядывали они осунувшиеся, бледные лица друг друга после восьмимесячной разлуки, здоровались, переговаривались между собою.

Кареты продолжали подъезжать. Один за другим выходили из них заключенные: Петрашевский, Львов, Филиппов, Спешнев, Ханыков, Кашкин, Европеус, Достоевский, братья Дебу, Пальм...

Прежде чем ввести осужденных на эшафот и объявить им приговор, их повели перед фронтом. Впереди шел священник, замыкали процессию Кашкин, Европеус и Пальм. С трудом шагая по глубокому снегу, осужденные переговаривались между собою:

— Что с нами будут делать?

— Для чего поставлены столбы около эшафота?

— Должно быть, привязывать будут... Военный суд, казнь расстреливанием...

— Известно, что будет... Может быть, всех на каторгу...

Непроницаемо-холодными глазами встречали и провожали проходивших ряды выстроженных батальонов, сомкнутых в каре.

Обойдя их, осужденные поднялись по тряским ступеням лестницы на эшафот. Вслед за ними вошли и тотчас выстроились на помосте конвойные. Аудитор выкликал петрашевцев по фамилии. Плац-адъютант следил за тем, чтобы преступники были расставлены в порядке, определенном приговором генерал-аудиториата.

Их поставили двумя неравными рядами, перпендикулярно к городскому валу

Хриплый звук рожка тревожно разнесся в морозном воздухе.

— На караул! — раздалась команда.

— Шапки долой! — приказал осужденным плац-адъютант и, видя, что только немногие исполнили приказание, сердито крикнул: — Снять шапки, говорю! Приговор будет читать!

Солдаты, стоявшие позади осужденных, стали снимать шапки с тех, кто мешкал.

После того как аудитор невинтно и торопливо прочитал каждому формулу обвинения и приговор военного суда, осужденных облачили в предсмертное одеяние — белые холщовые саваны с капюшонами и длинными рукавами. Священник вззошел на эшафот, держа в руках евангелие и крест. За ним принесли и установили на эшафоте аналой. Священник обратился к приговоренным с краткой проповедью. Когда он удалился, солдаты по знаку плац-адъютанта свели с эшафота Петрашевского, Григорьева, Момбелли и привязали их к столбам, вкопанным перед тремя ямами. На лица им надвинули капюшоны. Взвод солдат, выстроившийся напротив, по команде взял ружья на прицел. В эту самую минуту раздался барабанный бой, и прицеленные ружья разом вдруг были подняты стволами вверх...

К эшафоту подъехал экипаж. Из него вышел фельдъегерь, привезший указ, которым царь заменял смертную казнь каждому особым наказанием. Петрашевского, Момбелли и Григорьева отвязали от столбов и снова ввели на эшафот. Снова аудитор, обращаясь к каждому из приговоренных, прочел окончательный приговор.

Палачи — их было двое — в старых цветных кафтанах взошли и стали позади ряда, начинавшегося Петрашевским. Ссылаемые в Сибирь опустились на колени, и палачи начали ломать шпаги над их головами. Это длилось более двадцати минут. Затем на середину помоста вышли кузнецы, неся в руках тяжелую связку ножных кандалов, предназначавшихся для Петрашевского. Они бросили их на дощатый пол эшафота у самых его ног. Потом, опустившись на колени,

принялись не спеша заковывать его в кандалы. Некоторое время он стоял спокойно, чуть склонив, по всегдашнему своему обыкновению, голову набок, но затем вдруг нервным, порывистым движением выхватил у одного из них тяжелый молоток и, сев на пол, с ожесточением стал сам заколачивать на себе кандалы.

Скрипя по снегу полозьями, к эшафоту подъехала кибитка, запряженная тройкой лошадей. Из нее вылезли жандарм и фельдъегерь. На Петрашевского напялили казенный тулуп и шапку с наушниками. Единственный из всех осужденных, он, по «высочайшей» конфирмации, ссылался *без срока* в каторжные работы в рудниках, и его решено было немедленно везти в Сибирь, прямо с Семеновского плаца. С остальными не так спешили...

— Пора отправляться, — сказал фельдъегерь и предложил Петрашевскому идти в кибитку.

— Я еще не окончил все дела, — ответил Петрашевский.

— Какие у вас еще дела? — удивленно спросил его плац-адъютант.

— Я хочу проститься с моими товарищами.

— Ну, это вы можете сделать, — недовольно пробормотал плац-адъютант.

С трудом передвигая ноги в кандалах, Петрашевский переходил от одного узника к другому, обнимая и целуя их на прощание. С иными он прощался молча, иным бросал два-три слова. У некоторых на глазах видны были при этом слезы.

— Прощайте, более мы уже не увидимся, — сказал он, поклонившись в последний раз всем, и хотел уже было направиться к кибитке, но, словно бы вспомнив что-то, остановился и, осмотрев свое одеяние, возбужденно произнес, язвительно улыбнувшись: — Ей-

богу, как они умеют одевать людей! В таком костюме делаешься противен сам себе!

Должно быть, это дерзкое замечание его вывело из себя одного из генералов, находившихся подле эшафота.

— Экий ты негодяй! — крикнул он и с этими словами плюнул в лицо Петрашевскому.

— Сволочь! — громко ответил Петрашевский. — Хотел бы я видеть тебя на моем месте...

Торопливо подталкиваемый солдатом и жандармом, сошел он с лестницы и влез в кибитку. Рядом с ним уселся фельдъегерь. Жандарм с саблей и пистолетом у пояса поместился около ямщика.

Лошади тронулись, медленно выбираясь на дорогу мимо сгрудившихся экипажей и толпы. В это самое время кто-то, выйдя из толпы, снял с себя меховую шубу и шапку и бросил Петрашевскому в кибитку. Повернув на московскую дорогу, кибитка стала быстро удаляться и скоро пропала из виду...

До глубины души потрясенные пережитым за короткие часы, остальные ожидали, что станут делать с ними. Комендант, взойдя на эшафот, возвестил им, что они не уедут прямо с плаца, но до отъезда будут доставлены на свои места в Ордонанс-гаус для отсылки впоследствии.

— Лучше бы уж расстреляли, — сказал Ипполит Дебу Ахшарумову.

Пальм, избавленный от всякого наказания, малодушно воскликнул: «Да здравствует цари!» Никто на это не откликнулся. Стали подъезжать кареты. Узники, не прощаясь друг с другом, садились в них и уезжали по одному...

Так закончилась эта зловещая инсценировка казни, задуманная царем и его приспешниками.

В кондитерской Вольфа в эти дни было необычно шумно и многолюдно. Посетители переходили из комнаты в комнату — из «газетной» в бильярдную, из бильярдной в буфет, где за столиками, расположенными вдоль окон, выходящих на проспект, сидели завсегдатаи кафе, любители пробежать глазами свежий листок газеты за стаканом кофе.

В «газетной» комнате было значительно тише, хотя и здесь слышался неумолкавший сдержанный шопот, приглушенные разговоры, шелест перелистываемых страниц.

У мальчика, подававшего гостям журналы и газеты, нетерпеливо спрашивали «Санкт-петербургские ведомости» и «Русский инвалид», в которых опубликовано было сообщение о Буташевиче-Петрашевском и его единомышленниках.

С еле скрываемым волнением окинул Чернышевский быстрым взглядом газету, очутившуюся у него в руках, и увидел на первой же странице, под линейкой, отделявшей изображение двуглавого орла и название газеты от текста, сообщение, начинавшееся словами:

«Пагубные учения, породившие смуты и мятежи во всей Западной Европе и угрожающие ниспровержением всякого порядка и благосостояния...»

И далее привычные официально-лживые, витиеватые фразы:

«...По произведенному исследованию обнаружено, что служивший в Министерстве иностранных дел титулярный советник Буташевич-Петрашевский первый возымел замысел на ниспровержение нашего государственного устройства, с тем чтобы основать оное на безначалии. Для распространения своих преступных намерений он собирал у себя в назначенные дни молодых людей разных сословий...

В конце 1848 года он приступил к образованию, независимо от своих собраний, тайного общества, действуя заодно с поручиком лейб-гвардии Московского полка Львовым 2-м и служащим дворянином Спешным. Из них: Момбелли предложил учреждение тайного общества под названием «Тайного товарищества» или «Братства взаимной помощи и людей превратных мнений»; Львов определил состав общества, а Спешнев написал план для произведения общего восстания в государстве.

Генерал-аудиториат, по рассмотрении дела, произведенного военно-судною комиссиею, признал, что 21 подсудимый, в большей или меньшей степени, все виновны: в умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка, а потому и определил: подвергнуть их смертной казни расстрелянием...»

В перечне фамилий всех осужденных, начиная с Петрашевского и кончая Пальмом, под номером восьмым значилась хорошо знакомая Чернышевскому фамилия «приватного слушателя Санкт-Петербургского университета Александра Ханыкова (23-х лет)».

Встречи и дружеские беседы с Ханыковым были свежи в его памяти. Ведь именно от Ханыкова услышал впервые Чернышевский о тех «элементах возмущения», которые должны были, по убеждению петрашевцев, сыграть свою роль в надвигающемся перевороте.

«Элементы эти, — говорил Ханыков, — раскольников, общинное устройство удельных крестьян, недовольство большей части служащего класса и многое другое».

Ханыков горячо и убежденно доказывал Чернышевскому, что революция в России вполне осуществи-

ма и что, может быть, недолго придется ее дожидаться. Он с такой ясностью обрисовывал распад и разложение гнивающего крепостнического строя, внутреннюю слабость царского правительства, стремившегося всеми силами держать народ в оцепенении и немоте...

«Крушение неизбежно и близко, — сказал Ханыков в одно из свиданий с Чернышевским. — Можно ли предупредить землетрясение? Помните, как говорит Гумбольдт в «Космосе»: «Этот твердый неподвижный Boden (грунт), на котором стояли, в непоколебимость которого верили, вдруг видим мы, волнуется, как вода?»»

В эти дни Чернышевский записал в дневнике, что на вечере у Введенского, где он был, с возмущением рассказывали о расправе над петрашевцами. Здесь он с радостью узнал, что не Ханыков, как это говорили ранее некоторые, а Пальм унизил себя публичным раскаянием.

